

УДК 159.9

С.А. Гришаева

Н.С. Ершов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И СТЕРЕОТИПЫ В ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Аннотация. В работе исследованы теоретико-методологические основы изучения политических мифов и стереотипов, проанализирована их роль и влияние на современную жизнь Чувашской Республики. Дана классификация архетипов чувашского народа в рамках концепции К. Г. Юнга. Изучена история и современное состояние политических мифов и стереотипов в этноментальности чувашского народа. Дана интерпретация элементов государственной символики Чувашской Республики. Рассмотрены различные политические трактовки прошлого и настоящего Чувашской Республики.

Ключевые слова: политический миф, политический стереотип, архетип, чуваш, Чувашская Республика, К. Г. Юнг, этноментальность.

Svetlana Grishaeva

Nikita Ershov

POLITICAL MYTHS AND STEREOTYPES IN THE ETHNIC CONSCIOUSNESS OF THE CHUVASH PEOPLE

Annotation. Theoretical and methodological basis of the study of political myths and stereotypes is studied, their role and influence on the modern life of the Chuvash Republic are analyzed. Classification of archetypes of the Chuvash people within the concept of C. G. Jung is given. The history and current state of political myths and stereotypes in the ethnic consciousness of the Chuvash people are studied. Interpretation of the state symbols of the Chuvash Republic is given. The different political interpretations of the past and present of the Chuvash Republic are examined.

Key words: political myth, political stereotype, archetype, Chuvash, Chuvash Republic, C. G. Jung, ethnic consciousness.

В современном мире, находящемся под влиянием как глобализационных, так и локализационных движений, все большее внимание уделяется проблематике изучения специфики политической культуры различных этнических групп, поскольку многие политические процессы связаны с их активизацией. Это вполне закономерное явление, так как сама по себе этничность – одна из устойчивых характеристик человека, а процесс первичной политической социализации зачастую сопровождается не только усвоением политических ценностей, традиций, норм, знаний, но и появлением определенной идентичности, которая может быть как политической (ассоциация с определенной политической партией, организацией, движением), так и этнической (движение в защиту прав народов).

Актуальность исследования обусловлена тем, что в связи с данным процессом в структуре этноментальной политической культуры зачастую особую роль приобретает формирование устойчивых образов, представлений, структурирующих и интерпретирующих предыдущий политический опыт, таких как «политический миф» и «политический стереотип». С точки зрения актуальности основной целью исследования является определение содержания и специфики политических мифов и стереотипов в структуре этноментальности чувашского народа посредством анализа основных механизмов их формирования. Для достижения цели исследования необходимо выполнение следующих задач:

1) изучить теоретико-методологические аспекты понятий «политический миф» и «политический стереотип»;

© Гришаева С.А., Ершов Н.С., 2017

2) описать основные отличительные черты и особенности проявления политических мифов и стереотипов в этноментальности чувашского народа;

3) охарактеризовать влияние мифов как «символических ресурсов» на мыслительные и поведенческие практики представителей этнических групп в политическом предметном поле.

Рассматривая теоретико-методологические аспекты изучения политических мифов и стереотипов, следует отметить, что под «политическим стереотипом» в современной науке понимается упрощенное, представленное в форме схем, ценностно-ориентированное, деформированное представление о политических объектах. Сами по себе стереотипы являются неотъемлемыми, необходимыми в повседневной жизни компонентами индивидуального и массового политического сознания, поскольку они позволяют провести своеобразное дихотомическое деление повседневных ситуаций по осям: «мы-они», «свой-чужие», «друзья-враги», тем самым формируя определенный «автоматизм» в восприятии и мышлении. «Политический миф» – это определенный статичный образ, который опирается на представления, верования и позволяет интерпретировать различные факты и события, структурируя определенную картину коллективного прошлого, настоящего и будущего.

Впервые о важной роли стереотипизации и мифологизации в общественном сознании заговорил известный американский ученый У. Липпман в своем труде «Общественное мнение». Так, автор первым выдвинул концепцию стереотипизации пропагандистской деятельности, полагая, что причина появления стереотипа кроется в следующем факте: «Нам рассказывают о мире прежде, чем мы его увидим. Мы представляем большинство вещей прежде, чем познакомимся с ними на опыте. И эти предварительные представления, если нас не насторожит в этом наше образование, из глубины управляют всем процессом восприятия» [3, с. 54]. Таким образом, автор полагает, что политическим стереотипам отведена огромная роль в формировании потенциального политического поведения, например, такой его разновидности, как электоральное, в результате чего множество политических решений принимаются на бессознательном уровне. У. Липпман приводит следующий пример: «Усмотрев в каком-то человеке знакомую, свойственную определенному типу черту, мы восполняем отсутствующую информацию о нем с помощью стереотипов, содержащихся в нашем сознании» [3, с. 79]. Основная роль стереотипа, в представлении У. Липпмана, состоит в суммировании предыдущего опыта социальной общности в упрощенной и деформированной форме, что значительно упрощает процесс осмысления, принятия и исполнения определенных решений в условиях сложного и противоречивого современного мира.

В результате среди отличительных черт политических стереотипов в современной науке выделяются следующие:

1) определенное олицетворение происходящих событий, в результате которого причина появления тех или иных явлений связывается с деятельностью конкретного лица или социальной группы;

2) иррациональность (заключается в том, что, как правило, факты, противоположные сложившемуся стереотипу, либо с негодованием отвергаются, либо вовсе не замечаются);

3) эмоциональная окрашенность в интерпретации и перцепции событий (проявляется в резко негативной либо, напротив, резко позитивной оценке того или иного политического события);

4) идеологическая стойкость (стереотип, как правило, существует длительный промежуток времени, не изменяется и остается в коллективном или индивидуальном бессознательном даже в ситуации радикальной трансформации).

Непосредственно мифология, в том числе и политическая, начинает формироваться в тот момент, когда определенная социальная общность сталкивается с новыми для нее явлениями, процессами, факторами, зачастую несущими в себе опасность для ее существования. В результате можно сделать вывод, что расцвет создания мифов происходит в «тяжелые периоды» для истории, такие как революции, социальные кризисы и катастрофы, военные конфликты. С точки зрения психологической науки,

процесс творения мифа связан с неспособностью индивида или группы объяснить происходящие изменения, началом формирования защитной реакции, и, в результате, возвратом к раннему жизненному опыту восприятия окружающей действительности и взаимодействия с ней. В связи с этим особый интерес для данного исследования представляет попытка интерпретации мифа аналитической психологией, одним из основоположников которой был К. Г. Юнг. Ученый полагал, что миф представляет собой не что иное, как активизируемую в критической ситуации проекцию коллективного бессознательного на различные объекты реального мира и ее дальнейший перенос на политико-социальную реальность в форме определенных «архетипов». Под архетипом, как правило, понимаются уникальные паттерны, модели поведения, возникающие из коллективного бессознательного в виде религиозных, мифологических, сказочных или легендарных образов. В результате формирования научной теории К. Г. Юнг предложил ряд основных архетипов, таких как: анима и анимус (женское и мужское начало), божество (идея первообразного демиурга), возрождение (метафизическая трансформация), дева (социальный опыт женщины), дух (невидимая сущность, компенсирует дефицит информации, играет роль своеобразного советника), зверь (позволяет понимать поведение живых существ), фауст (первобытный колдун), вождь (архетип сильного мужчины), мать (женское начало), тень (бессознательная противоположность сознательного), мудрец (персонификация жизненного опыта, мудрости) [12].

В современной науке немалый вклад в изучение проблематики формирования политических мифов внес Э. Кассирер, который в своем труде «Техника современных политических мифов» пишет о том, что технологии мифотворчества достигли высокого уровня развития, в результате чего можно говорить о процессе создания мифов как об одном из средств манипуляции массовым сознанием, что в целом соответствует мыслям, высказанным ранее упомянутым У. Липпманом. Э. Кассирер считает, что процесс мифотворчества становится историческим, приобретая принципиальное значение, поскольку «мифы могут создаваться так же, как и любое другое современное оружие, включая пулеметы и самолеты» [2, с. 60].

В свете данного тезиса, сформулированного Э. Кассирером, можно выделить следующие характерные особенности современных политических мифов:

- 1) зачастую являются следствием целенаправленного процесса;
- 2) состоят из надежд и представлений, усвоенных массовым сознанием;
- 3) не поддаются деструкции под давлением рациональных аргументов и логики, поскольку представлены сферой коллективного бессознательного;
- 4) связаны с существующей политической реальностью, основной их целью является оправдание происходящих политических событий, обеспечивающее веру людей в их «правильность»;
- 5) как правило, опираются на предыдущий опыт социальной группы (в случае данного исследования – этнической).

Рассматривая специфику отражения политических мифов и стереотипов в этнических общностях, следует уделить внимание понятию «этноментальность», под которой понимается «определенное мироощущение и мировосприятие, при помощи которого члены этнической или национальной общности, неизменно сохраняя близость, родственные связи, а также межпоколенческие традиции, вырабатывают собственные, отличные от других народов, психологические установки и духовные предпочтения, ценностные ориентации и модели поведения» [5]. Анализируя данный термин, можно отметить, что процесс конструирования ценностных ориентаций применим не только для социокультурной, но и для политической сферы.

Переходя ко второй задаче исследования, описанию основных отличительных черт и особенностей проявления политических мифов и стереотипов в этноментальности чувашского народа, необходимо дать краткую характеристику самому этносу.

Чуваши – тюркоязычный народ суваро-болгарского происхождения, коренное население Чувашской Республики (по данным Росстата – 67,8 %). Они делятся на три основные этнические группы:

- верховые (вирьял);
- средненизовые (анат енчи);
- низовые (анатри).

Основное вероисповедание – православие, однако есть приверженцы традиционной этно-религии «сардаш», а также население, исповедующее ислам (в основном население районов на границе с Республикой Татарстан).

Э. В. Никитина в своем труде «Специфика менталитетов народов Поволжья и Приуралья», описывая историю чувашского народа, пишет, что он интересен своей богатой этнической культурой, формирование которой было обусловлено геополитическим расположением территории расселения этноса. Эрбина Витальевна полагает, что «чувашский народ впитал культуру и традиции разных народов, таких как шумерская, хетто-акадская, гуннская, хазарская, булгаро-суварская, славянская, финно-угорская, переосмыслил их культуру, традиции, нормы, однако сохранил свое особое миропонимание, создав особый национальный характер» [4, с. 29].

Среди основных источников сведений о мифологии и религии чувашского народа особо следует выделить труды Д. Месароша, В. К. Магницкого, Н. И. Золотницкого, В. А. Сбоева, Н. И. Ашмарина, В. Д. Димитриева.

В основе мифологии чувашей лежит представление о мире как многоярусном кластере, состоящем из трех частей: верхнего мира (мира богов), среднего мира (мира людей) и нижнего мира (мира злых духов). Каждый из миров, в свою очередь, состоит из слоев: нижний и верхний – из трех, средний – из одного. Средний мир, в котором проживают люди, имеет форму квадрата. Чуваши верили, что их народ живет в его центре, недалеко от священного древа жизни, которое поддерживает небосвод. Помимо этого, в мифологии сохранились сведения о том, что когда-то на земле было не одно, а три солнца. Легенда гласит: «Три солнца находились близко от земли и светили так жарко, что люди не знали различных бед, таких как холод, зима, голод. Однако однажды нашлись люди, которые пригласили охотника, убившего два солнца. Третье солнце убежало далеко на небо, где его не могла достать ни одна стрела охотника, выпущенная с земли» [11]. Данная легенда тесно связана с современной концепцией сюжетов политических мифов, среди которых выделяются:

- *миф о заговоре* (негативно воспринимаемые явления – результат тайного действия определенных сил);
- *миф о золотом веке* (призывает вернуться в светлое прошлое либо, напротив, добиться светлого будущего);
- *миф о герое-спасителе* (наделяет конкретные персонажи определенными харизматическими чертами);
- *миф о единстве* (в основе лежит дихотомическое противопоставление «свои-чужие»).

Непосредственное воплощение в политической сфере основные эсхатологические концепции мифологии чувашского народа нашли в процессе принятия государственной символики Чувашской Республики. Так, современный образец государственного герба Чувашской Республики – это геральдический щит, поделенный на желтое (в верхней части) и красное (в нижней части) поля. Выбор цвета является отнюдь не случайным. Э. В. Никитина в работе «Чувашский этноменталитет: сущность и особенности» пишет: «чуваши очеловечивали солнце, порой придавая ему высокие моральные качества, так, солнечная красота переходила в человеческую, к примеру, красивую девушку называли сарӑ хӗр» [5, с. 101]. В результате желтый цвет приобретал сакральное значение, становясь символом красоты. Красный цвет традиционно считался символом мужества и отваги.

В самом поле герба расположена только одна гербовая фигура — красный символ мирового древа, являющийся одним из элементов чувашского орнамента, несущим многозначный смысл. Согласно концепции автора герба, Элли Юрьева, во-первых, «древо жизни» — знак единства народов, проживающих на территории Чувашской Республики, во-вторых, — знак долгой истории чувашского народа, в-третьих, — символ возрождения чувашского народа. Следовательно, данная концепция может послужить наглядным примером перехода традиционных мифов в разряд политических, основной задачей которых является как пробуждение национального самосознания, так и попытка осмысления политического прошлого и будущего этноса.

Геральдический щит украшает золотая, окаймленная красным эмблема «Три солнца» — традиционный элемент чувашской мифологии, упомянутый ранее в нашем исследовании. Смысловой концепт данной эмблемы в пространстве политических мифов заключается в единении с концепцией *мифа о золотом веке*, отображая связь времен, а также символическое прошлое, настоящее и будущее чувашского народа. Данный концепт схож со смысловым посылом, сформулированным чувашским поэтом Петром Хузангаем: «Эпир пулнă, пур, пулатпăр» [10]. В переводе на русский язык эта фраза означает: «Были мы, и есть, и будем». В теории архетипов К. Г. Юнга данный тезис схож с метафизическим архетипом «возрождения», в основе которого лежит идея неизменной трансформации и грядущего перевоплощения.

Среди других архетипических образов чувашской мифологии особо следует выделить образы Отца (Аса) и Матери (Ама), которые являются священными и олицетворяют собой небо и землю. Через данные образы, применяемые в том числе и в сфере политики, также осуществляется процесс этнической самоидентификации. Так, «по чувашским мифологическим представлениям, у Солнца, как и у людей, есть отец и мать, отсюда следует вывод, что небожители не одиноки и не безродны, им присущи семейные узы» [5, с. 118]. Э. В. Никитина полагает, что «такие мифы выступают общезначимой консолидирующей идеей этноса, установкой, регулирующей взаимоотношения внутри общности» [5, с. 119].

Исходя из архетипа Матери в концепции К. Г. Юнга, следует отметить, что в 2003 году по инициативе президента Чувашской Республики Н. В. Федорова в г. Чебоксары был возведен крупнейший монумент «Матери-покровительницы чувашского народа», на сегодняшний день самый высокий в Чувашии. Его высота составляет 46 метров. На постаменте памятника выгравирована надпись на двух языках: «Благословенны дети мои, живущие в мире и любви» (на чувашском «Килёшўпе юратура пурăнакан ачамсем пиллехлĕ»). Политическое значение данного памятника описывает сам Н. В. Федоров в автобиографии «В ответе навсегда». Осмысляя историческое значение создания памятника, первый президент Чувашской Республики пишет: «Главное мое желание в том, чтобы все мы встали на путь духовного роста, духовного обогащения. Весь XX век в России прошел под флагами революций, гражданских войн, репрессий. В стране много и долго воевали, в том числе — с собственным народом. А эта война особенно жестока, бессмысленна и нелепа. Так хотелось, чтобы открытие монумента Матери на берегу волжского залива стало началом эпохи социального мира, человечности и духовности не только в Чувашии, но и во всей России» [8, с. 220]. Политическое значение воплощения архетипа в реальную жизнь имело созидательную, примиряющую функцию, а причиной создания послужила тяжелая социально-политическая ситуация в стране.

Отдельное место в числе элементов государственной символики Чувашии, основанных на архетипах и тесно связанных с процессом политической мифологизации, является гимн Чувашской Республики. В нем выражаются три архетипических образа:

- пробуждение природы к новой жизни;
- образ «семьи», родных, отца, матери;
- образ единения и мира всех родных в «чувашском мире».

Так, образ пробуждения природы к новой жизни приобретает антропоморфный характер, наделяя явления природы признаками, присущими живому существу. К примеру, в гимне Чувашской Республики есть строка «Сурхи тенче варанна чух, хавасла кун шаранна чух», что в переводе на русский язык означает «Когда весны высокий свод лучи живые щедро льет» [1]. Этот пример олицетворяет не только явление антропоморфизма природных явлений, присущее мифологии, но и показывает их сакральное значение для жизни этноса. Юнгковский образ Отца в гимне приобретает вид преемственности поколений, процесса передачи накопленного ранее опыта, а также несет в себе нравственную функцию: «Отцам на смену выйдя в путь, ты, юность, им опорой будь» (по-чувашски: «Яшсем-херсем выляна чух, атте-анне ас пана чух») [1]. Следует отметить, что официальный перевод гимна на русский язык по смыслу несколько отличается от чувашского варианта, поскольку в данной строке упоминаются родители (атте-анне), в том числе и архетип Матери (Анне). Образ единения и мира всех родных представлен строкой «Чаваш тенчи секленне чух, чун саванать, чере сикет» (по-русски «Народ народу – друг и брат, отныне и чуваш крылат») [1]. Этот образ больше остальных связан с процессом политической мифологизации, значение которого обусловлено временем принятия гимна Чувашской Республики – 1997 г.

Создание образа единения и мира было необходимым политическим шагом в эпоху социальных перемен, глубокого кризиса идеологии, волны национального сепаратизма, действующего вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики. Н. В. Федоров, анализируя этноконфессиональные отношения на территории Чувашии, приводит в пример слова В. В. Путина, сказанные спустя 3 года после принятия гимна Чувашии: «Поволжье могло бы быть местом сосредоточения проблем для страны, а фактически дает всей России образец конфессионального и этнического взаимодействия, представляя собой наиболее яркий пример такого взаимопроникновения культур. Там, где могли бы произрасти какие-то конфликты, наоборот, вся энергия, весь наш потенциал направляется на то, чтобы поддержать друг друга» [8, с. 228]. Именно этот факт свидетельствует о том, что зачастую процесс создания политического мифа может нести не только деструктивный, но и созидательный характер, предотвращая возможные социально-политические конфликты.

В процессе изучения современных политических мифов Чувашии уместно будет обратиться к труду российского ученого В. Р. Филлипова «Чувашия девяностых: этнополитический очерк», в котором автор дает свою классификацию мифологем, составлявших доктрину чувашской национальной идеи той эпохи. Так, Василий Рудольфович в своем исследовании полагает, что этнополитические мифы периода 1990-х гг. можно классифицировать в соответствии с внутренней структурой этнической идентичности личности по следующим основаниям:

- 1) миф «это наша земля»;
- 2) миф «государство чувашей»;
- 3) миф «наш народ грабят»;
- 4) миф «наш народ угнетают»;
- 5) миф «убитый язык»;
- 6) миф «возрождение культуры»;
- 7) миф «возвращение богов»;
- 8) миф «душа народа» [9, с. 122].

Проводя схематическую параллель между данной классификацией и современным состоянием политических мифов на территории Чувашской Республики, следует отметить, что один из мифов, созданных в последнюю декаду XX века, актуален до сих пор. Этим мифом является описанная С. Севрюгиным легенда о том, что ареалом жизни амазонок является именно чувашская земля. Исследователь считает, что основным доказательством его концепции могут послужить национальные женские костюмы, поскольку во многих деталях нарядов проглядывают так или иначе измененные

элементы боевой одежды. Следует отметить, что в связи со строительством на территории г. Чебоксары этнопарка «Амазония» данный миф приобретает особый смысл, переходя в разряд политического. Помимо этого мифа, следует выделить концепцию «болгаро-чувашей», рассматриваемую В. Д. Димитриевым, М. Юхмой, Г. И. Тафаевым с той позиции, что «Волжская Болгария – древнечуваашское государство». Политический характер концепция приобрела в 2012 г., когда инициативная группа создала петицию с просьбой переименовать регион в «Чăваш — Атӑлси Пӑлхар Республики» («Республика Чувашия – Волжская Болгария»), однако Министерство культуры Чувашской Республики отказало в ее удовлетворении, указав на необоснованность и нецелесообразность данного действия [6]. Тем не менее, данный политический миф и на сегодняшний день является актуальным, поскольку концепция «болгаро-чувашей» является основополагающей в чувашской исторической мысли.

Среди этнических стереотипов, присущих чувашской ментальности, Э. В. Никитина в работе «Чувашский менталитет: сущность и особенности» выделяет этническую оценку, исходящую из предыдущего опыта. Так, автор приводит выводы исследования: «чувашские дети обнаруживали высокую степень предубеждения против татар, даже если они никогда в жизни их не встречали» [5, с. 44]. Личный опыт индивида здесь не является причиной предубежденности, поскольку у детей нет предыдущего социального опыта. Следовательно, причина данного явления – исторический стереотип, связанный, вероятнее всего, с монголо-татарским игом.

Исследуя данное предубеждение, стоит обратиться к трудам чувашского ученого, доктора исторических наук Г. И. Тафаева. В статье «Виды этнических конфликтов в Чувашской Республике: теория и практика» он вырабатывает концепцию о том, что причиной конфликтогенности и определенной стереотипизации в межнациональных отношениях между двумя этносами может быть историческое прошлое, связанное с существованием такого государства, как Волжская Булгария. Так, по мнению ученого, в межетнических отношениях периода Казанского ханства доминирующими стали: «социально-экономический + этнотерриториальный + этнодемографический + этнокультурный + этнорелигиозный конфликты». В результате на территории Казанского ханства «из-за всех «перегибов» мусульманского государства чувашская аристократия во главе с князьями Ахкубеком Тогаевым и Магметом Бозубовым подняли национально-освободительное восстание за выход из ханства» [7]. Исходя из данного факта, можно сделать вывод о том, что причина стереотипизации может крыться не только в эпохе татаро-монгольского ига, но и в более позднем периоде – эпохе Казанского ханства.

Подводя итог исследования, можно сделать вывод, что на сегодняшний день в ментальном пространстве социальных представлений политические мифы и стереотипы играют важную роль, выполняя функцию социальной, политической, этнической идентификации, первичной социализации. И именно поэтому главным вызовом для современной реальности процесса мифотворчества в эпоху глобализации должен быть созидательный, а не деструктивный характер политических мифов и стереотипов.

Библиографический список

1. Гимн Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://gov.cap.ru/home/258/gimn %20rf_ chr/gimn_ chr.htm](http://gov.cap.ru/home/258/gimn%20rf_chr/gimn_chr.htm) (дата обращения : 10.09.17).
2. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник МГУ. – 1990. – №2. – С. 58–65.
3. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
4. Никитина, Э. В. Специфика менталитетов народов Поволжья и Приуралья (татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев) / Э. В. Никитина. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. – 200 с.
5. Никитина, Э. В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности / Э. В. Никитина. –Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 204 с.
6. Петиция о переименовании Чувашской Республики в «Республику Чувашия – Волжскую Булгарию» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://сувары.рф/ru/content/pereimenovanie-chuvashskoy-respubliki-v-respubliku-chuvashiya-volzhskuyu-bolgariyu-schitaem> (дата обращения : 10.09.17).

7. Тафаев, Г. И. Виды этнических конфликтов в Чувашской Республике: теория и практика [Электронный ресурс] / Г. И. Тафаев. – Режим доступа: https://korpunktrf.ru/nauka-chuvashii/482-gennadij_tafaev_issleduet_vidy_etnicheskikh_konfliktov_v_chuvashskoj_respublike_i_ikh_teoriyu_i_praktiku.html (дата обращения : 10.09.17).
8. Федоров, Н. В. В ответе навсегда / Н. В. Федоров. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 320 с.
9. Филиппов, В. Р. Чувашия девяностых. Этнополитический очерк / В. Р. Филиппов. – М. : Институт Африки РАН, 2009. – 250 с.
10. Хузангай, П. П. «Эпир пулнă, пур, пулатпăр» [Электронный ресурс] / П. П. Хузангай. – Режим доступа: <https://chuvash.org/lib/haylav/4612.html> (дата обращения: 10.09.17).
11. Чувашский народный сайт. Три солнца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.chuvash.org/wiki/Три солнца](https://ru.chuvash.org/wiki/Три_солнца) (дата обращения : 10.09.17).
12. Юнг, К. Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг. – СПб. : Б.С.К, 1996. – 451 с.